

О.Крокинская
Думать о будущем, когда время остановилось¹

Опубликовано в :

Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г., / Редактор и составитель — О. Б. Божков/. СПб.; Эйдос, 2015 г. — 368 с. С. 73-86 – ISBN 978-5-904745-52-3

http://socinst.ru/sites/default/files/books/GR_8.pdf

См. также

<https://www.academia.edu/15927536/>

Эпиграфы

«... и будущее внуков неотлично от прошлого дедов»
Маргарет Мид, «Взросление на Самоа»

«Ничего лишнего не бывает. Бывает запасное»
Некий старшина
(этот эпиграф в текст не вошел, но вошел в экземпляр, отправленный
Е.Юрьеву)

Еще один эпиграф, написано на год позже этой статьи:

«В этом мире (в мире нашего правителя, называющего себя консерватором и мыслящего мир в циклической парадигме – О.К.) главной стратегией является попытка любым образом обеспечить отсутствие перемен: постоянно отвлекать внимание людей, переключая его с одного бессмысленного сюжета на другой; допускать отток квалифицированных и самостоятельных граждан, способных потребовать реформ и изменений; раз за разом торпедировать модернизацию, чтобы сохранить этатистскую экономику, способную реагировать только на приказы, отдаваемые монархом. Эта стратегия ориентирована на «дожитие» — на своего рода телепортацию страны и общества из хронологической точки «а» в точку «б», в которой вся турбулентность останется позади и откроются перспективы «доброе старое мира» XIX столетия. В рамках такого подхода абсолютно все поступки российского президента выглядят последовательными и рациональными — но только в них.

Владислав Иноземцев:

Замороженный // <http://snob.ru/selected/entry/98957>

---

¹ По материалам проекта «Образы прошлого как фактор формирования социальных ожиданий россиян» (2013-2015 гг.), поддержанного грантом РГНФ № 13-03-00571.

Исследовательские вопросы и методологические замечания. В декабре 2014 года, компания РБК-ТВ провела у себя на сайте опрос на тему «Чего бы Вы попросили для себя у Деда Мороза?» Выяснилось, что посетители сайта, представители, как считается, экономически активного населения, дóлей в 59% от числа принявших участие в опросе попросили бы у старого волшебника не отмены санкций (6% ответов), не стабильного рубля (7%), не прекращения войны с Украиной (27%), а возрождения Советского Союза². Росбизнесконсалтинг, хотя и считается солидным ресурсом, не сообщает при публикации ни числа опрошенных, ни параметров выборки, то есть на полученные результаты можно было бы серьезного внимания и не обращать, да и опрошенные, возможно, иронизировали, так как привыкли к стилю опросов РБК, однако цифры эти были неоднократно опубликованы и презентованы разными СМИ, а значит, расценивались как актуальные и востребованные. Да ведь и то правда, что феномен этим не исчерпывается. Согласно другим опросам, ностальгические чувства испытывают по отношению к СССР не только граждане старших поколений, но и определенная часть молодых людей, не живших во времена его существования. А кроме того, в духе возрождения СССР нередко толкуют и текущую внутреннюю политику Российской Федерации.

Налицо факт существования в массовом и экспертном сознании таких образов прошлого, которые участвуют, как минимум, в порождении смыслов настоящего, а возможно и в ментальном конструировании будущего, если соответствующие дискурсы станут обретать плоть. Не присутствуем ли мы при прямом и непосредственном осуществлении знаменитой методологии проектирования и конструирования реальности, которую издавна называют «наступать на грабли»? Как происходит эта «материализация духов», как и почему продолжают существовать архетипы прошлого, если это не специально поддерживаемые традиции? Для лучшего понимания этих явлений, и, возможно, для движения в обход «грабель» («в обход дефекта», как при шунтировании сосудов), необходимо исследовать процессы социокультурного наследования в обществе, и исследовать их в предмете когнитивной социологии, потому что объектом такого исследования должна стать «мыслительная работа» массового сознания. Пишу эти слова в кавычках, потому что в самом наличии и характере мыслительной работы у такой общности, как масса, есть весомые сомнения³. Предстоит узнать, как модели прошлого существуют в ментальности, как происходит их отбор для реставрации и реновации, как возможно проектирование будущего в условиях исторической памяти и имеющегося знания об архетипах и прототипах, то есть в условиях достаточно образованного общества, как в отборе участвуют бессознательные и рефлексивные средства мышления и т.д.

Правомерен и методологический вопрос: можно ли эмпирически подтвердить присутствие когнитивной активности общества, направленной на более или менее отчетливую работу с конструктами и концептами будущего? С его, если не

---

² Результаты голосования 29 декабря 2014 г. // РБК-ТВ: <http://rbctv.rbc.ru/polls/list>

³ Крокинская О.К. О когнитивных свойствах массового сознания // Международная научно-практич. социол. конф. «Продолжая Грушина». 11-12 ноября 2010 г., Москва : ВЦИОМ. Материалы конференции. – 2011 / http://wciom.ru/fileadmin/nayka/konfGr_2010/Krokinskaya.pdf

предопределением, то хотя бы с предположением о нем? Такая активность могла бы служить первоначальной «феноменологической подготовкой» к существованию в контекстах будущего, быть «аргіогі-адаптацией» к его предполагаемой среде и системе.

Конечно, правильнее было бы освещать эти вопросы в качественных исследованиях при глубинном сканировании дискурсов и нарративов, выявлении способов и средств когнитивной работы именно массового сознания, но в отсутствие самой возможности таких исследований по причинам, от нас не зависящим, не станем отказываться от того, что, все-таки, можно сделать, и постараемся найти в результатах довольно простых и традиционных количественных исследований материал хотя бы для постановки проблемы когнитивной активности массового сознания. Частично в этом направлении работает проект, выполняемый в НИИКСИ СПбГУ «Образы прошлого как фактор формирования социальных ожиданий россиян».

Несколько слов о феномене «социальных ожиданий», на базе исследований которого осуществляется попытка отвечать на поставленные выше вопросы. «Социальными ожиданиями» в социологии называется один из регуляторов социального поведения, базирующийся на устойчивых и разделяемых в обществе предположениях по поводу 1) «нормального», «правильного» устройства общества и социальной жизни, а также 2) «нормального», «правильного» хода каких-то предстоящих событий. В структуру социальных ожиданий могут входить определенные совокупности ценностей, социальных установок и стереотипов, элементы знаний, убеждений, намерений, целей и т. д. Соотнося нормативные представления с реальностью, они служат для оценки состояния реальности, для обеспечения когнитивной, эмоциональной и поведенческой готовности социальных агентов к текущим и грядущим событиям, а также для принятия решений в рамках проектируемых агентами жизненных стратегий.

Социальные ожидания являются атрибутом массового сознания и характеризуются свойственными ему чертами: в стабильных ситуациях они могут быть достаточно типичны, консервативны и стереотипны, в нестабильных ситуациях, реагируя на их неопределенность, могут дифференцироваться, позволяя проявиться нетипичным прожекам будущего – индивидуальным, групповым и общественным. Случаи несовпадения ожиданий с реальностью могут порождать специфические социальные реакции в спектре *от инертности и депрессии* (в связи с невыполнимостью планов, желаний, недостижимостью целей) – *до эскапизма и протеста* (уход в иную реальность или противостояние тому социальному порядку, в котором ожидания неисполнимы). Другими словами, социальные ожидания тесно связаны с уровнем широко понимаемой социальной активности в обществе.

Для оценки полученных в проекте результатов важно отметить, что работа по нему велась при необычных обстоятельствах. Его тема оказалась в высшей степени актуальной не только в научном, но и в практическом отношении. Реальные события 2011-2014 годов повлияли на феномен ожиданий самым непосредственным образом, переведя его сначала из состояния, опирающегося на относительно устойчивую картину мира, в состояние высокого уровня неопределенности и разнонаправленности, а позже – в состояние, напротив, жесткой определенности и унификации с крайне тенденциозным содержанием. Основной особенностью 2014 года стало беспрецедентное информационное и психотехническое манипулирование массовым сознанием, сформировавшее в нем

искусственный, политически заостренный образ реальности, радикально изменивший картину мира общества и его социальные ожидания. Сам феномен социальных ожиданий лишился своих привычных способов существования. Он перестал быть вероятностным, вариативным, субъективным моделированием, а приобрел форму предписанных общепринятых шаблонов, стандартов и оценок. Реальность следовало формировать и понимать не на базе собственных диспозиций и рефлексий, а потреблять в готовом виде, исключая всякую самостоятельность. Судя по успешности проекта, к созданию такой искусственной реальности приложили руку профессионально весьма сильные специалисты, сумевшие технологически переосмыслить достижения науки в области психо-социологии массового сознания и сделать их инструментом такого влияния на массы, которое лежит далеко за рамками и научной, и человеческой этики.

Быстрая смена уникальных ситуационных контекстов исследования повысила значение результатов пилотажа 2013-го года и сделала необходимым не только их полноценный анализ, но и сравнение с результатами основного опроса 2014-го года, хотя это обычно не делается, и несмотря на то, что это не очень точное сравнение, т.к. выборка пилотажа более молодежная. Однако, измерение по сопоставимым возрастным группам позволило компенсировать этот недостаток. «Натура» ситуации уже ушла и проверить полученные данные невозможно, но представляется, что предпринятые сравнения могут, по крайней мере, гипотетически наметить характер и динамику общих ощущений людей, испытавших на себе влияние чрезвычайной политической ситуации 2013-2014 годов. На этапе пилотажа опрошено 78 человек, в основном опросе – 484 человека (все возрастные группы, выборка квотная, нерепрезентативная. В настоящей статье некоторые из результатов этих сравнений будут предъявлены читателям.

Социокультурные и ментальные формы существования прошлого, настоящего и будущего в массовом сознании. Образы прошлого складываются в сознании наших граждан на базе разнородных источников. Структура их востребованности у разных возрастных групп также различна. В целом по выборке основу исторических знаний составляют *школьные учебники* (около 60% ответов во всех группах), а также *художественная литература и кино* (в динамике от старших к младшим 45-57% ответов). Среди относительно сильных и влиятельных источников исторического знания названы также *популярная и научная литература, рассказы очевидцев и современников, в том числе, семейные хроники* (и то, и другое с большим количественным разбросом по группам), а также *обучение в высших учебных заведениях*, получившее, наоборот, довольно ровную, но весьма невысокую оценку порядка 20-27%. Иными словами, в целом образ прошлого и «модели исторической памяти»⁴, продуктивные и продуцирующие, складываются под большим влиянием адаптирующих переработок, далеко не всегда способных дать достоверные знания, зато дающих яркие визуальные и эмоциональные впечатления.

К уровню достоверности исторического знания опрошенные относятся по-разному. При альтернативном выборе среди трех заданных позиций – (1) строго научный,

---

⁴ Эткинд А. «Мы судим о будущем, исходя из прошлого» Интервью журналу «New Times» // <http://newtimes.ru/articles/detail/68539>

объективный подход; (2) популярное, адаптированное, художественно переработанное знание или (3) единое, идейно цельное знание с воспитательной направленностью – эти позиции обрели примерно по трети сторонников с небольшим перевесом в сторону объективного знания в молодежной группе.

С помощью обрисованного круга источников массовое сознание усваивает образы прошлого с разной степенью четкости. Конечно, наиболее определенным в картине мира всех опрошенных предстает образ исторического прошлого России. В младшей группе опрошенных (18-25 лет) на это указывают 73% опрошенных, но, очевидно, только потому, что большинство ее представителей лишь относительно недавно закончили школу. Вместе с тем хорошо известно, что объективно эти знания очень слабы. В двух старших группах относительно четкий образ исторического прошлого России имеют (по самооценке) около половины опрошенных (48-52%). Представители младшей группы также утверждают, что для них достаточно ясны прошлое человека и человечества, то есть эволюция (61%), и здесь познания старших групп также более слабы (39% и 57% в средней и старшей группе опрошенных). Самый смутный образ исторического прошлого касается всемирной истории и истории других стран: 67% опрошенных назвали его недостаточно четким, еще 17% респондентов объявили о его практическом отсутствии.

Уже из этих данных становится понятно, что ресурс для осмысления настоящего и моделирования будущего на имеющейся базе знаний невелик, эти когнитивные операции будут испытывать серьезные ограничения и вести к деформациям получаемых моделей.

До сих пор мы исходили из допущения, что люди о будущем думают. В индивидуальном плане в этом сомнений нет, а вот обобщенно, о будущем как таковом, в перспективе движения истории и культуры – не вполне ясно. Выясняется, однако, что латентные представления на этот счет есть, более того, исторический дискурс в кризисных ситуациях усиливается, и если задавать соответствующие вопросы, то даже самые смутные ощущения проясняются. В ответах на открытые вопросы анкеты находим, что опрошенные осознают свою личную жизнь как часть «большой истории» в следующих ситуациях: когда возникает повод для гордости, патриотических чувств, или, наоборот, в критических, трудных ситуациях, когда все плохо; при просмотре новостей и сравнении событий в мире с российской реальностью, в моменты выбора каких-то решений и выборов в органы власти; при планировании своего будущего, будущего детей и их воспитания, при чтении исторических книг, художественной литературы и т.д., и в целом – размышляя о том, *«почему Россия такая, а не другая»*.

Итак, повод подумать «о себе в истории и истории в себе» возникает, как правило, в ситуациях, нарушающих спокойное, рутинное течение жизни, требующих обработки новой, событийно значимой информации, а значит, той или иной когнитивной работы. Из полученных исследовательских данных вытекает, что опрошенные достаточно хорошо это осознают, и для них история на самом деле является актуальным полем поиска координат для оценок происходящего, для самоопределения и для определения своих позиций.

На этом фоне вспомним, на каком историческом бэкграунде произрастает оценка наблюдаемых событий, среди которых политические и экономические кризисы, военные трагедии, в целом отношения России с внешним миром, а также реально практикуемое самоопределение людей в истории. Как было показано выше, в большинстве случаев на базе упрощенного и слабого знания, с сильными литературными и кино-

реминисценциями, порой в ореоле альтернативных исторических «учений», в том числе, откровенно мракобесных (из последних достижений – сочинение известного шарлатана А.Т.Фоменко «Христос родился в Крыму»).

Все это не имело бы значения («чем бы дитя ни тешилось...»), но в наши дни, при имеющемся информационном изобилии, все же обладая кое-какими знаниями, находясь в референции с окружающей средой и, пусть плохо и неточно, но все же рефлексируя по поводу реальности, люди обладают определенным ресурсом влияния на ситуацию, так как постоянно находятся во взаимодействии, ныне очень широком, если учесть не только живое общение, но и общение в социальных сетях. Именно поэтому историческое знание попадает под пристальный контроль господствующей идеологии и ее генеральной линии, направленной на сдерживание любой социальной активности. Идеология ныне почти открыто декларирует неизменяемость социального порядка, которая будто бы вытекает из исключительности «особого пути» России и ее вековых устоев. Делается это утверждением консервативного курса политики, милитаризацией сознания и закрепляется, ничтоже сумняшеся, навязыванием обществу символики смерти и других знаков неподвижности. Они звучат из уст национального лидера, постоянно и неслучайно, в связи со значимыми событиями, и падают на почву, жаждущую хоть каких-то возвышающих смыслов, создавая заметное суггестивное напряжение. Так, 23 февраля 2012 года, заканчивая свою речь на митинге знаменитой строкой М.Ю.Лермонтова, президент фактически сообщает собравшимся, что война уже идет, и в ней надо славно погибнуть: «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали! И умереть мы обещали, и клятву верности сдержали! Битва за Россию продолжается, победа будет за нами»⁵; 17 апреля 2014 г. в ходе «прямой линии» с народом «смерть на миру» объявляется элементом «генетического кода» русского человека, то есть возводится в число глубоко заложенных программ его существования⁶. Массовому сознанию внушают и другие установки на неподвижность: в Послании Федеральному собранию в декабре 2014 года президент патетически подкрепляет идею «цивилизационного и сакрального» значения для России Крыма, Херсонеса и Севастополя указанием на вечность: «*Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда*»⁷. Кто сегодня возьмет на себя смелость говорить о чем-то, что оно будет «отныне и навсегда»? А он говорит, и эти символы, как и эти события, начинают отмерять не «ход» истории, а ее круговорот, возвращая к до-векторному пониманию времени вообще.

Событием и символом, привносящим идею обновления даже в циклическое протекание повседневности, является празднование Нового года. От него, как правило, ждут именно изменений, желают *нового* счастья и *новых* радостей. Во всем царит некая магия влияния на будущее – и в шутку, и всерьез. Под знаком известной концептуализации «как встретишь – так и проведешь» символически разыгрывается момент перехода от старого к новому. И вот настает Новый, 2015-й год, а ощущения

---

⁵ Умремте же под Москвой. Путин выступил на митинге своих сторонников в «Лужниках» // <http://lenta.ru/articles/2012/02/23/zaputina>

⁶ Владимир Путин: Для русских на миру и смерть красна // ИА REGNUM – <http://www.regnum.ru/news/polit/1792501.html>

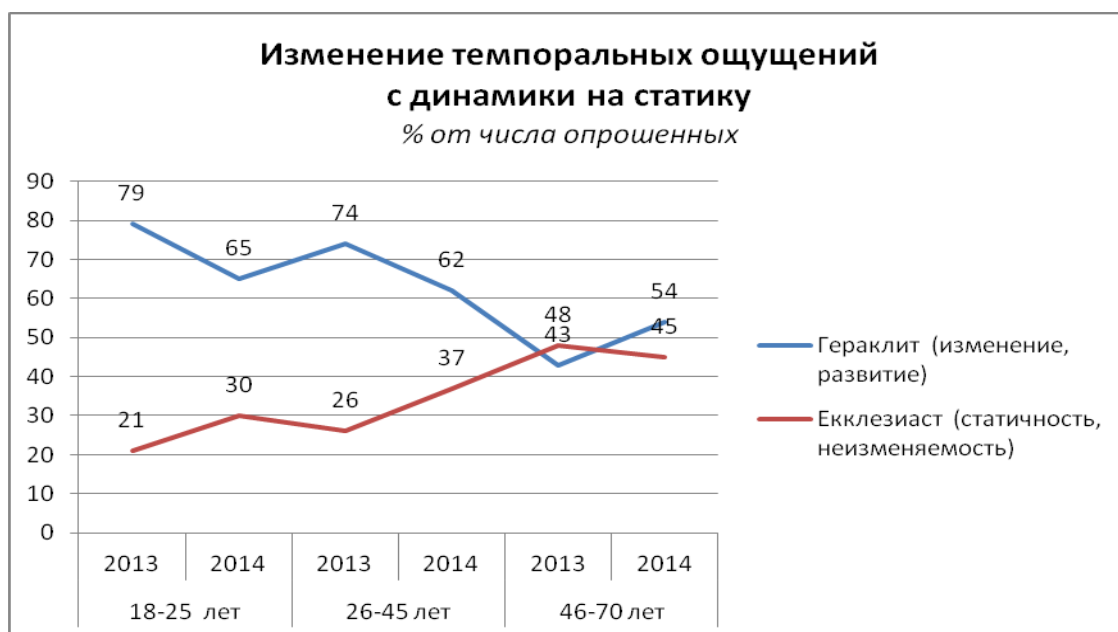
⁷ Владимир Путин: Крым для России имеет сакральное значение // Российская газета, RG.RU–Власть // <http://www.rg.ru/2014/12/04/krim-site-anons.html>

изменений он, мягко выражаясь, с собой не несет. Новогодний телеэфир ошеломляюще стар во всех смыслах этого слова и карикатурен. Семидесятилетние «звезды эстрады» с пергаментно натянутой пластикой лиц, куранты Спасской башни Кремля, многие годы возвещавшие отсчет времени нового года, закрыты мрачной пирамидальной конструкцией, которая не только архитектурно рифмуется с пирамидой Мавзолея, но и составляет с ним общий образ, адресуя к погребальным зиккуратам Вавилона и Ассирии. Все это лишь органично дополняет линейку актуальных социальных смыслов: времени приказано остановиться замереть, умереть. Оно и останавливается. И люди чувствуют эту остановку. Наше исследование показывает, что она влияет на их темпоральные ощущения: на ориентации в историческом времени и ожидания, связанные с будущим.

Изменение темпоральных ощущений и установок в социокультурном и социально-политическом пространстве. Судя по реакциям на некоторые вопросы анкеты, по сравнению с результатами годичной давности у респондентов снизилось само чувство процессуальности истории, ее движения, изменения, развития. Выбор альтернатив, связанных с этими явлениями, теперь совершается реже. Доля приверженцев идеи «Все течет и все изменяется» (в анкете подкреплено именем Гераклита) снизилась с 68 до 59%, а доля сторонников утверждения «Что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под Солнцем» (подкреплено авторитетом Библии, книга «Экклезиаст») возросла с 32 до 40%. В трех основных возрастных группах обнаруженный эффект также оказался заметен (см. ниже, Рис.1)

Сходным образом изменился у опрошенных и горизонт планирования жизни. Он стал более коротким, далеко в будущее они не заглядывают. Смотрят вперед на период до 5-ти лет 12% опрошенных, на 1-3 года – еще 25%, планируют жизнь на полгода-год 32% респондентов, а около четверти респондентов (24%) вообще не думают, что будет дальше, так как «неясен даже завтрашний день».

Рисунок 1

Всего годом раньше, судя по данным пилотажа 2013 года, царила другая, довольно длительная, ситуация позитивно понимаемого движения и развития – в технико-технологической области, благосостоянии, образе жизни, когда будущее, ощущалось как время необычайных сдвигов в истории. Характеризуя перспективу в 20-30 лет респонденты охотно откликались на вероятность таких изменений, «что и представить себе невозможно». То есть люди были готовы к изменениям радикального, инновационного характера, к будущему, у которого на сегодняшний день даже не просматриваются прототипы. Предполагая возможность среды столь инновационного характера, по сути, иной онтологии, опрошенные, надо думать, находили в ней нечто близкое своей идентичности, а значит, фактически проектировали состояние окружающего мира более респонсивным, «отзывчивым» на человеческую активность, тем самым проявляя и свою готовность к ней.

Однако, сравнение данных 2014 года с пилотажем 2013-го фиксирует снижение чувства грядущих сильных изменений в жизни общества. Если год назад более 43% опрошенных полагали, что через 20-30 лет жизнь «будет отличаться от сегодняшней настолько, что и представить себе невозможно», то ныне число таких мечтателей сократилось на треть и составляет 34%, противоположное мнение, что сколько-нибудь заметных изменений за это время не произойдет, возросло с 1% до 14%. Подобный эффект замечен и по другим данным, в том числе, в возрастных группах (Табл.1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «По Вашим ощущениям: будущее ныне живущих людей, лет через 20-30, будет сильно или не сильно отличаться от настоящего?»
% от числа опрошенных в возрастных группах

	18-25 лет		26-45 лет		46-70 лет	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Будет отличаться очень сильно, настолько, что и представить это сегодня невозможно	52	45	35	32	38	34
Будет отличаться не очень сильно, сохранятся многие черты сегодняшних дней	48	50	61	54	57	48
Нет, за это время сколько-нибудь сильных изменений не произойдет	-	5	-	14	5	18

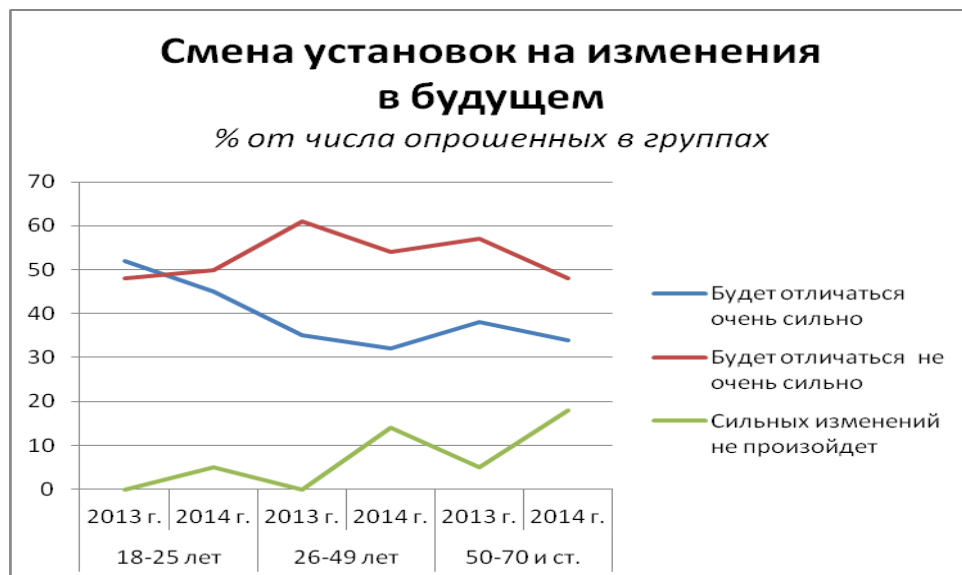
Во всех возрастных группах падает ощущение сильных изменений в будущем, колеблется или довольно заметно падает ощущение даже не очень сильных изменений и во всех группах растет, а точнее, в младшей и средней даже появляется, ощущение отсутствия изменений, хотя год назад таких ответов не было вообще (см. ниже, Табл.1, Рис.2).

Количественно, может быть, и не очень яркая, тенденция эта интересна тем, что указывает на ожидания противоречивого характера. Тогда как на поверхности массового сознания определенный подъем или квази-подъем морально-политического духа нации несомненно имеет место, в глубинных установках, вопреки этому, обнаруживаются депрессивные элементы. В свою очередь, сам этот подъем представляется парадоксальным и, не побоюсь этого слова, параноидальным следствием травматичных, стрессовых, шоковых фактов – присоединения Крыма, войны на Украине и сильнейших антиамериканских настроений, поскольку именно Америку массовое сознание считает

организатором и вдохновителем всех бед нашей страны, всего антирусского и антироссийского. Как бы ни оценивались эти факты в массовом сознании – позитивно или негативно, а ведь даже действие санкций оценивается позитивно («Нас бьют – мы крепчаем») – во всех случаях они травматические, ибо сильнейшая доза допинга, впрыснутая в кровь общества, для его организма такой же стресс, как от дозы наркотиков.

Рисунок 2

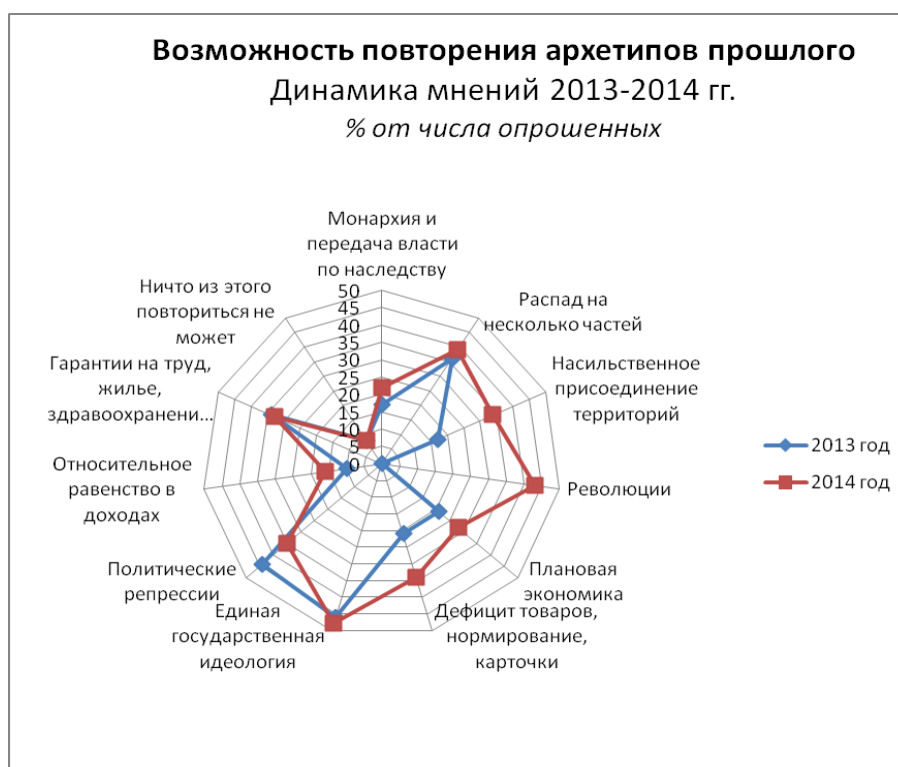
Вот почему смену темпоральных установок в социальных ожиданиях с динамики на статику допустимо рассматривать как свидетельство когнитивной работы либо одного из двух важнейших средств референции с окружающей средой, либо их обоих – рационального сознания, включая рефлексивность, с одной стороны, и, напротив, бессознательных средств мироощущения, с другой. Так или иначе, сигналы о смене темпоральных установок населения – след правильного понимания людьми нарастающих смыслов ситуации. По крайней мере, город Санкт-Петербург, его высоко образованное сообщество чувствует, как цивилизационное и историческое время в нашей ситуации замедляет свой бег и даже разворачивается вспять. В выборке этого опроса 29% респондентов имеют среднее специальное образование, 49% – высшее, еще 13% – незаконченное высшее.

Материалы проведенного исследования позволяют конкретизировать свидетельства разворота к прошлому в социальных ожиданиях опрошенных. На фоне, казалось бы, социо-эмоционального подъема растет ощущение рисков архаизации – восстановления социальных форм отдаленного и недавнего прошлого. Конечно, аналитического и научного термина «архаизация» опрошенные не знают, но, атрибутируя характер уже идущих изменений и прогнозируя последующие, они предполагают именно это (Табл.2 и Рис.3, а оценивая желательность или нежелательность повторения элементов прошлого, фактически выражают отношение к ним как к опасности (Рис.4).

Таблица 2
Возможность повторения архетипов прошлого
В целом по выборке, % от числа опрошенных

	2013год				2014 год
	18-25 лет	26-45 лет	46-70 лет	В целом по выборке	В целом по выборке
Монархия и передача власти по наследству	9	30	14	17	22
Раздробленность на отдельные самостоятельные территории («княжества»)	30	44	38	36	39
Насильственное присоединение территорий	21	13	14	17	34
Революции	Вопрос не задавался				43
Плановая экономика	9	17	43	21	28
Дефицит товаров и их нормированное распределение («карточки»)	15	17	33	21	34
Единая государственная идеология, принуждение к единому мнению	42	47	48	46	48
Политические репрессии	52	47	29	44	35*
Относительное равенство в доходах	12	9	10	10	16
Конституционные (государственные) гарантии прав на труд, жилье, здравоохранение, образование	39	26	33	34	33
Ничто из этого повториться (или вновь появиться) не может	9	4	20	8	8

* Более низкая цифра ожиданий по этому пункту объясняется, скорее всего, количественным влиянием на показатели «в целом» более молодежной выборки пилотажа 2013 г.

Если принять систему высказанных мнений за модель вероятного будущего, то она и в 2013, и в 2014 году выглядит ухудшенным образом советского времени. Понравится

ли это тем, кто сегодня просит у Деда Мороза возврата к Советскому Союзу? Ведь это будет страна с единой государственной идеологией, принуждением к единому мнению и политическими репрессиями; не монархическая, но раздробленная на отдельные самостоятельные территории; обещающая гражданам государственные гарантии на труд, жилье, здравоохранение и образование, но при отсутствии равенства в доходах, то есть, все-таки, при социальном неравенстве, и это будет вряд ли осуществимо; при этом относительно сытая, не допускающая дефицита товаров и их нормированного распределения. Иными словами, *авторитарная идеократия с (всё-таки!) рыночной экономикой*. Даже в страшных снах наши люди не хотят расставаться с рынком и его потребительскими удобствами.

В течение 2014 года практически все архаизирующие параметры вероятного будущего выросли, и выросли опережающим порядком по отношению к реальным событиям. Опрос 2014-го года прошел в сентябре-октябре, до начавшихся позже нефтяных и валютных флуктуаций, но к этому времени в получаемых данных уже подскочили ощущение грядущего дефицита и плановой экономики, более того – насильственного присоединения территорий (фактически *ещё каких-то дальнейших присоединений*, потому что Крым уже к этому времени состоялся). Главное, что различали в перспективе респонденты исследования и в 2013-м и в 2014-м – единая государственная идеология – к этому времени из вероятной стала очевидной почти для половины опрошенных, а замеренная впервые вероятность революции сразу заняла отметку в более чем 40% мнений. Как и год назад, посчитали, что ничто из указанных элементов прошлого не может повториться, всего 8% участников опроса. На Рисунке 3 общий рост ощущений возможного реванша прошлого зафиксирован с очевидностью.

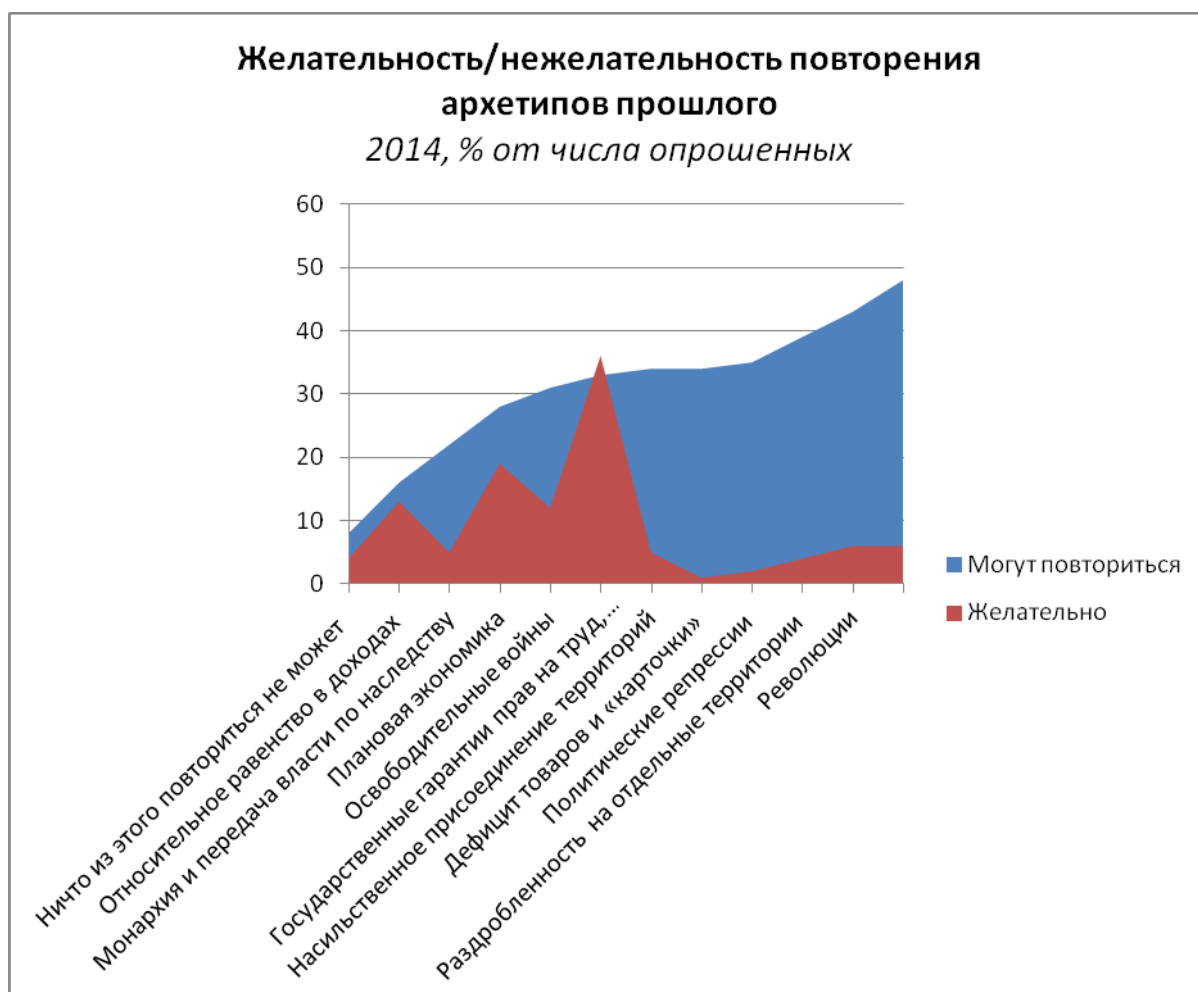
Рисунок 3

С точки зрения феноменологии наличие в массовом сознании концептов каких-то явлений, да еще в форме ожиданий («может повториться»), уже есть культурная предпосылка социальной готовности к их реальному осуществлению. В случае, если они снова поступят на «рабочий стол» конструирования социального порядка, вероятность их реставрации окажется более высокой независимо от отношения к, казалось бы, «спящим» архетипам. Ибо архетипы – как «социальные формы» (Г.Зиммель) – несут с собой «ДНК» породившей их идеологии, ее культурные «мемы» и ментальные программы; императивы выживания более чем способны подхлестнуть конформизм, а память и опыт старших поколений легко оживят казалось бы забытые привычки. Свидетельства тому, что это возможно, уже существуют. Среди них – религиозный фанатизм, средневековые формы поклонения артефактам, квази-самодержавные формы государственного управления, характерные для наших дней, и многое другое, как, например, проявившаяся в январе 2014 года карающая исламская «служба нравов» – фактически инквизиция.

У респондентов представляемого проекта была возможность не только оценить вероятность воспроизводства некоторых архетипов прошлого в нашей стране (Рис.3), но и выразить мнение о желательности или нежелательности их возврата. Вот как делают свой выбор участники проведенного исследования, жители Санкт-Петербурга (Рис.4).

Рисунок 4

В целом не желая повторения прошлого, участники опроса все же испытывают ностальгию по своему стабильному экономическому статусу в СССР и частично признают желательным возобновление в будущем плановой экономики (28-30% ответов во всех возрастных сегментах), относительного равенства в доходах (17-19% в старших группах и 25% у молодых), и особенно государственных гарантий на труд, образование и здравоохранение (50-54% в старших группах и 63% у молодых). Остается неясным, вытекают ли экономические ожидания молодых людей из их осознанных политических установок или они выступают следствием зависимости, низкого статуса и потребности в помощи, что, в отсутствие иных структурных и институциональных основ, легко порождает именно инфантильные социалистические установки.

Теоретико-методологическое заключение. Представляется, что на основании полученных данных можно сделать предварительное заключение теоретико-методологического характера. Предварительное – потому что изучаемое явление находится лишь в самом начале регулярных исследований. Мы задавались вопросом, можно ли эмпирически подтвердить присутствие когнитивной активности общества, направленной на более или менее отчетливую работу с конструктами и концептами будущего. На этот вопрос получен, кажется, положительный ответ. По сравнению с советским периодом, когда вектор движения несомненно указывал на будущее, правда, в предопределенных формах, его специфика состоит в том, что это предположения о будущем в ситуации подавленной векторной характеристики, когда будущего как такового в идеологии страны нет, когда время остановилось. Но когнитивная работа в формате вероятностного ментального ситуационного моделирования, хоть и в ограниченных масштабах, но продолжается. Социальные ожидания работают при этом как запрос, «выброшенный» вперед, как локатор, датчик «погодного» анализа среды, в которую предстоит вступить, с вопросом, перефразирующим Б.Пастернака: «Какое, милые, сегодня у нас столетье на дворе?» И все чаще датчик показывает направление вспять современности.

Социокультурное или культур-социологическое заключение. Что может противостоять архаизации современности, опасность которой встает за фактами нашей реальности в полный рост? Прежде всего, конечно, изменение способа существования страны – реальная модернизация, смена политического курса, отказ от изоляционизма и автократии. Но также модернизация сознания – и тогда: образование, просвещение, реанимация нормального аналитического, критического мышления, развитие установок личностной автономии и рефлексии. А вместе с этим – способность задавать вопросы, искать ответы, понимать происходящее, видеть последствия, оценивать их и на этой основе совершать ответственный выбор. Казалось бы, обычная рациональность, уже отработанная индустриальным этапом в развитии общества. Но она сломалась под ударами судьбы – влиянием, с одной стороны, мощного естественного когнитивного диссонанса, обнаружившего огромные разрывы в результатах развития России и тех стран мира, которые не имели на своем историческом пути почти вековой задержки эволюции, а с другой – искусственного, целенаправленного и преступного «конструирования»

массового сознания страны в худшем смысле слова технологически – его жесткой штамповки, «формовки» со всеми атрибутами комплексов неполноценности, страха, национальной униженности и агрессии, произведенного с помощью специальных социальных и психологических техник в информационной войне государства против собственного населения. К «выученной беспомощности»⁸ это добавило «выученную паранойю» у народа нашей страны, за что авторам и исполнителям этого безумного проекта, вне всякого сомнения, еще придется ответить.

Но позволительно предположить, – а традиции когнитивной социологии и культурной антропологии, в анналах которых есть немало доказательств сохранности в современном мышлении ментальных форм всех исторических эпох позволяют это сделать – что *навыки рациональности никуда не исчезли*, они сейчас лишь искусственно подавлены. Они восстановятся, как только тяжелый моральный и интеллектуальный прессинг прекратится. Многие индивидуальные нарративы относительно текущей ситуации ментально не столь катастрофичны, как данные массовых опросов, и лишь *масса*, как ей это и свойственно, переваривает их в себе⁹.

Сущностно важно другое: складывание новых смысловых кластеров для работы с будущим сегодня затруднено, ибо почти не просматриваются свежие социально-политические идеи и новые лица политики, которые способствовали бы констелляции здоровых индивидуальных мнений и группировке позиций. Две мысли констатируют это состояние. Первая: «Сейчас нет сигналов к образу будущего, которое сулит позитивные изменения. Кругом пустота и неуверенность» (Владимир Пастухов, глава Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН)¹⁰; вторая: «Будущее существует только в практиках деятельности – индивидуальной или коллективной» (Евгений Кузнецов, заместитель генерального директора ОАО «РВК», государственный фонд фондов и института развития Российской Федерации в области венчурного инвестирования)¹¹.

В этих высказываниях мы фактически имеем дело с двумя разными концептами будущего как такового и процессами его осуществления (возникновения, наступления, становления, порождения, самопорождения). В рамках этих концептов формируются и исходные точки двух возможных стратегий выхода из ныне ясно обозначенного коллапса. Опираясь на первую, следует, как писал еще М.Е.Салтыков-Щедрин в очерке «Современная идиллия», «*годить*»¹², т.е. ждать каких-то и кем-то определяемых «сигналов к образу будущего» – идей, идеологий, утопий, а соответственно,

⁸ Выученная беспомощность (learned helplessness) – синдром низкой мотивации действия и достижения, вызванный опытом жесткого подавления поисковой активности и разрыва между прилагаемыми усилиями и результатом действий («сколько ни старайся, все равно без толку»); в крайней форме – отказ от действий и достижений.

⁹ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987

¹⁰ Сплошная пустота. Социологи рассказали, чего россияне ждут от нового года // Лента.Ру / 011 января 2015 / <http://lenta.ru/articles/2015/01/11/2015/?f>]

¹¹ Будущее как практика: как и зачем думать о будущем. Стенограмма лекции, прочитанной 30 мая 2013 года, в рамках проекта «Публичные лекции ПОЛИТ.РУ» // <http://polit.ru/article/2013/08/23/kuznecov/>

¹² Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений в двадцати томах. Том 15. Книга 1. Москва, Художественная литература, 1973

«социалистов-утопистов», идеологов и вождей, что означает то самое наступание на грабли, потому что запускает процесс по старым, уже неоднократно провалившимся схемам. Эпиграф к «Современной идиллии» у М.Е.Салтыкова-Щедрина – из В.Жуковского: «Спите! Бог не спит за вас!» Опираясь на вторую точку зрения, будущее следует создавать практикой собственной жизни и труда. Это означало бы, в том числе, в методологическом смысле, конструирование и проектирование социальной деятельности «без прототипов». Ведь если прав Евгений Кузнецов, и «будущее существует как практика», то до сих пор, лишь с небольшими перерывами на нормотворчество 1990-х, это была практика известных образцов в условиях, когда купируется возможность создания новых. И тогда в ход шли прототипы и стереотипы, актуализирующие и реализующие практики прошлого. А в наши дни они уже открыто насаждаются – от идейного фундаментализма до культа личности, от звания Герой труда до уроков начальной военной подготовки в школе, от запрета аборт – до отправки студентов «на картошку». В общем, в перспективе во всех, даже мелких, деталях.

Как работает прототип и проектирование по прототипам? Прототип, этот сгусток исторической памяти, отформатированный образец прошлого, является не только зримой моделью предмета или явления, но, кроме того, содержит в себе свернутые программы его реального создания и существования, фактически *единства объекта и деятельности* – создаваемого объекта и деятельности по его созданию и функционированию¹³. Он организует само проектирование и обеспечивает его взаимосвязь с деятельностями, принадлежащими другим областям и объектам, тем самым влияя на них, придавая им черты, необходимые для системной связи. Проектирование социальных явлений по прототипам прошлого и есть залог циклического движения систем, дающая лишь ограниченные, частичные возможности развития, не исключено, что по траектории сакраментальной «спирали», регулярно приводящей к повторениям циклов расцвет-упадок-крушение и... восстановление, как раньше говорилось, «на новом, более высоком уровне», что справедливо и для порочных по сути, дисфункциональных систем. Иными словами, прототип в некотором смысле работает как *самосбывающийся прогноз* Р.Мертон.

Необходимость получения других результатов предполагают и работу других средств деятельности – в том числе, широких свобод для социальной активности. Власть, однако, используя оказавшиеся у нее в руках гигантские ресурсы страны и постмодернистски перемешивая в своей практике все известные ей социальные технологии от самодержавной автократии до советского тоталитаризма и от репрессий до покупки лояльности – всеми силами сдерживает этот процесс. И мы имеем в своей истории очередной факт препятствования эволюции, ведущий к революциям и новым, но таким знакомым, циклам нашего «особого пути».

Но теперь буквально «по жизненным показаниям» нам требуется *проектирование без прототипов* – восхождение к будущему от таких практик настоящего, когда его

---

¹³ Раппапорт А.Г. Проектирование без прототипов // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975.
<http://sos.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569396&fl=5&sl=1>

становление, оно же аристотелевское «бесконечное возникновение», идет «явочным порядком», в логике индуктивного движения снизу, реализуя, превращая в дело и действие то, что люди считают насущно необходимым, создавая образцы для настоящего и отпуская их в процессы эволюционного отбора для будущего, в индивидуальном и коллективном творчестве, в активности гражданского общества. В общем, по известной формуле вероятностной эволюции: *«Делай, что должно, и будь, что будет»*.

Современное человечество лишено счастливой возможности жить в неведении относительно своего будущего. По мере превращения в активного субъекта социально-исторических процессов оно все более втягивается в рефлексию о нем. Этому способствуют культура, образование, информационные возможности эпохи, но прежде всего, сам процессуальный способ мышления (как телеологический, так и вероятностный), сформированный рациональностью общества *modernity*. Все это позволяет сегодня практически каждому человеку концентрировать для себя достаточный объем знаний, чтобы создавать собственные представления о возможных трансформациях настоящего и участии в них прошлого. Тем самым человечество становится конструктором и строителем будущего – с тем отличием от предыдущих эпох, что теперь это рефлексирующий конструктор и строитель. Возможно, этим фактом отчасти преодолевается опасность историцизма, т.е. телеологического понимания истории и предопределения ее будущих состояний, о которой предупреждал Карл Р. Поппер¹⁴.

Однако для этого нужен другой социальный строй. В противном случае будущее наших внуков, и правда, будет неотличимо от прошлого наших дедов, а мы будем жить на очень большом острове Самоа, возможно, в компании новой Маргарет Мид, которая станет нас с интересом изучать.

---

¹⁴ Поппер К. Ницета историцизма. – М.: Издательская группа «Прогресс-ВИА», 1993